

ВЕРА ПОМЫТКИНА

Родилась в 1985 году в с. Заливино Тарского района. Живёт в Таре. Работает архивистом 2-й категории филиала Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре.

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОВИНЦИИ. ЧТО БЕСПОКОИЛО ПЕДАГОГОВ ОКОЛО СТА ЛЕТ НАЗАД

Много работая с архивными документами, мы привыкли больше доверять документам официальным – протоколам, решениям, отчётам, докладам. Но иногда на архивной полке можно встретить материалы, которые массово не хранятся, они субъективны, но от этого не менее интересны. Прежде всего, это такой источник исторических знаний, как письма. Два письма, представленные ниже, были найдены совершенно случайно, при работе над другим вопросом. То, что их объединяет, это время, место и профессия людей, их написавших. Одно письмо датировано 21 октября 1928 года, второе – 17 марта 1929 года, оба адресанта – учителя, работавшие в г. Таре и в с. Пологрудово. Одно написано молодой 20-летней девушкой, второе – опытным педагогом, 40-летним мужчиной.

Вера А. Шевелева – москвичка, только окончившая Московские педагогические курсы и в сентябре 1928 года направленная на работу в школу с. Пологрудово учительствовать. В Сибири она должна была отработать три года. Однако уже в октябре того же года условия жизни и работы для молодой девушки стали настолько тяжелы, что она решает написать письмо своей

сестре Сонечке. Оно попало к матери девочек, после чего последовало заявление от последней в отдел труда при ЦК просвещения с требованием вернуть дочь обратно в Москву или перевести её на работу в другую школу, с лучшими условиями. К счастью исследователя, вся переписка, включая само письмо Веры Шевелевой (машинописная копия), письмо её матери и ответы из инстанций, сохранились в одном месте, и сегодня мы знаем, что в новом 1929 году положение молодого педагога в с. Пологрудово улучшилось и она осталась в селе.

Если первое письмо написано молодой девушкой, это личная переписка с сестрой, где она открыта, делится своими переживаниями, то второе кардинально отличается по стилю и содержанию. Оно написано весной 1929 года педагогом Тарского педагогического техникума, 40-летним мужчиной О. Б. Шафи́ро, также приехавшим в г. Тару в 1928 году учительствовать на три года. Это письмо в большей степени относится к деловым документам, так как представляет собой жалобу в вышестоящую инстанцию, но написано таким слогом, с такими эмоциями, что с ним тоже интересно ознакомиться. К сожалению, информации о таком педагоге, как О. Б. Шафи́ро, мы нигде больше не нашли, личного дела его нет, в списках учителей, тех, что подходили по хронологии, он не значится. В протоколах по Тарскому педагогическому училищу, а они, к сожалению, сохранились только с сентября 1929 года, учитель с такой фамилией не упоминается. Из этого можно сделать вывод, что О. Б. Шафи́ро всё-таки добился перевода на работу в другой город.

Думается, что читателю будет интересно ознакомиться с этими письмами как с исторической, краеведческой стороны, так и с филологической, литературной¹.

¹ Тексты приводимых документов даются в соответствии с правилами современной русской орфографии и пунктуации, при условии сохранения стиля авторов (*прим. редакционной коллегии*).

Воскресенье, 21 октября 1928 года¹

Дорогая Сонечка!

Почему ты мне ничего не пишешь? Ты знаешь, я нынче в каких условиях, и не хочешь мне написать. Я страшно беспокоюсь, ничего не зная о вас, вот уже полтора месяца прошло, как я уехала из дома, и от вас не могу получить письма. Боюсь за маму, думаю, потому вы мне и не пишете, что с мамой не всё благополучно. Сегодня у меня мерзкое настроение, сама себе не рада, хочется с кем-нибудь поговорить, вылить свою душу, вот я и решила написать тебе письмо. Да, Соня, в скверные условия я попала. Народ ужасный, так и стараются поддеть тебя, грязнули, лентяи, а главное, хулиганы, вечером сидеть невозможно у себя в квартире. Идут мимо парни и обязательно что-нибудь «вылепят»: или хулиганскую песню запоют, или ругаются, или пер-т. Девушки ведут себя скверно, ни одной порядочной нет. Хозяйка моя, 45 л., и та живёт со своим зятем, а про дочь и говорить нечего. Ты, наверное, скажешь: «Перешла бы на другую квартиру». В том-то и беда, что других квартир нет. Сижу пишу, а в моей комнате сидят два мужика около печи и ругаются всю скверно. Не знаю, куда деться, так и хочется их выгнать в шею. Купить здесь ничего нельзя, сидим с Ирой целую неделю на хлебе и картошке (в бока страшно колет), нельзя достать ни масла, ни мяса. На меня наплевать, вот Иру жалко. В школе у меня тоже плохо, заели тараканы. Ты представить себе не можешь, сколько их развелось, ребят заели, у меня во время уроков ползают по рукам, по волосам и под платьем, не успеешь смахнуть, и уж новые упали с потолка, чернила нельзя оставить на ночь – все выпьют, тетради, книги пачкают, ну прямо чистое наказание, не учёные, а мука. Школа маленькая, низкая, грязная, ни для раздевалки нет

помещения, ни для учителя. За уроком трудно, в 60 чел. с 3 группами одной, а в перемену негде отдохнуть. Я знаю, что от меня останется одна тень, так как очень трудно работать. Сейчас пишу, а из кухни раздаётся «холера, чёрт» и т. д. Да, жизнь – лучше не надо. Самые лучшие годы я проживу так. Счастливица ты, Соня, ах, как бы я хотела быть на твоём месте (под окнами дерутся парни, и по-собачьи воют, и по-кошачьи мяукают). Правда, и тебе нелегко, но всё же ты оживаешь в школе. А я? Для чего живу, и сама не знаю. Прислали работать, хотела вести работу среди населения, организовать ячейку комсомола, и что же, даже собрания нельзя провести. Галдят все на разные голоса, и понять невозможно, а потом устраивают разные пакости, ругаются скверно, не стесняясь. И такие хулиганы навязываются с ухаживанием. Ох, Соня! Сижу и плачу, как дура. Ира стоит и спрашивает, о чём я. Ты, наверно, ничего не поймёшь, слёзы застилают глаза. Ты маме письмо не показывай, а как получишь, отвечай. Очень-то обо мне не беспокойся – проживу как-нибудь, быть может, потом легче будет. Завтра хочу собрать родительское собрание, поговорить насчёт книг (т. к. книг в школе никаких нет, вот и занимайся по чему хочешь), возможно, родители согласятся купить их. Ну ладно, в школе плохо, хоть бы дома-то было хорошо, а то из школы придёшь к себе в квартиру – «буздырять» постный суп и слышать без конца ругань (ну, конечно, не меня ругают, а ругает хозяин хозяйку); работы много, ведь три группы на одной мне, ребята озорные, да и не удивительно, берут пример со старших. Вот я, чтобы отвлечь их от улицы, кроме школьных часов, создала особые вечерние занятия, где ребята готовят уроки, веду с ними беседы, играем, поём, и теперь хулиганства в школе стало меньше. Хочу принятаться за молодёжь, начну сначала с постановки спектаклей, а потом

¹ Тф ГИАОО. Ф. 228. Оп. 2. Д. 15.

приступлю к организации красного уголка. Соня, милая, достань мне программу испытаний в педагогический ВУЗ по обществоведению и узнай, правда ли – с трёхлетним педагогическим стажем принимают в ВУЗ с экзаменом по одному обществоведению. Прости, что написала такое отчаянное письмо. Помнишь, мы обещали другу другу писать только правду. Вот написала тебе, как будто легче стало, только не знаю, пошлю ли. Я тебе уж столько раз писала (в минуту жизни трудную) и не посылала, думаю – что зря расстраивать. Пиши. Сонечка, была ли маме операция и как она себя чувствует. Отвечай сразу же. Как Ниночка, поцелуй её и напомни обо мне. Послать за этот месяц вам денег не придётся, да и за другие месяца вряд ли, т. к. здесь прожить очень дорого. Ну, до свидания, целую, Вера.

* * *

Сибкрайно Новосибирск¹

*Преподавателя Тарского
педтехникума Шафиро О. Б.*

Заявление

По предложению Наркомпроса я в 1928 году приехал в г. Тару для работы в педтехникуме, подписав договор на 3 года. Но, проработав всего два года, я принуждён настоящим просить или перевести меня для работы в другой район Сибкрая (чтобы не очутиться в положении не выполнившего договор), или разрешить мне вернуться в Россию.

Я понимаю, что неудобно оставить работу до окончания срока договора, что на мой переезд в Тару затрачена большая сумма денег, но у меня нет другого исхода, и моя просьба обусловлена очень серьёзными причинами. Я не собираюсь, конечно, бросить работу сейчас же, до конца учебного

года, но по окончании занятий я прошу мою просьбу удовлетворить, и, если это будет необходимо, я часть денег, израсходованных по моему приезду в Тару, могу вернуть.

Часть товарищей из той группы, которая приехала вместе со мной, давно уже в Таре не работает, но мне не хочется дезертировать, и я буду просить у Наркомпроса новое назначение только с Вашего разрешения. Мне 40 лет, и на подъём я очень тяжёл, но за 14 лет моей педагогической работы в таких условиях, как в Таре, мне ещё не приходилось работать, – очень уж тяжело здесь. Дело народного образования поставлено крайне неудовлетворительно, и несмотря на то, что работать приходится очень много, я своей работой не удовлетворён; нет от неё должного эффекта. Кроме того, я кончил университет ещё в 1913 году и нуждаюсь в непрерывной работе над собой, к тому же я ещё тяготею к научной работе в области педагогики и педологии. А здесь не только не развиваешься, а, наоборот, всё время регрессируешь. О научной же работе при этих условиях и говорить нечего.

До тех пор, пока здесь был Окроно, положение было гораздо лучше. И мне лично, и товарищам, со мной приехавшим, были обеспечены нормальные условия работы, и в нашей борьбе со старой реакционной учительской верхушкой Окроно имел руководящую роль. Я лично получал от Окроно полное содействие в научной работе, результатами которой Окроно неоднократно пользовался. С отъездом Окроно, в связи с ликвидацией Тарского округа, положение резко ухудшилось. Реакционные элементы учительства, которые не успел разгромить Окроно, вновь подняли голову и сейчас фактически верховодят всей просвещенской работой города и по производственной, и по профессиональной линиям, подавляя всякую попытку внести улучшение в педагогический процесс и рационализировать работу школы. Создавая

¹ Тф ГИАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 85.

видимость, внешнее впечатление, они стараются показать, что они «идут в ногу с веком», что школы их идут по пути архиреволюционному, склоняют и спрягают термины «социалистическое строительство», «общественно полезная работа», «коллективизация», «соцсоревнование» и т. п. во всех родах, падежах и временах, а сущность у них реакционная. На словах – передовые люди, а на деле – вредители. И небольшая группа такого учительства, не больше десятка человек, на 9/10 состоящая из белогвардейцев, б[ывших] колчаковских офицеров и их жён, держит под своим влиянием 2/3 городского учительства.

Два года я являюсь одним из участников борьбы с влиянием этой группы на массу учительства. В последнее время я остался один и не сложил ещё оружия ни на минуту. Я руковожу педагогической практикой студентов нашего педтехникума; каждый час сталкиваюсь с сопротивлением, граничащим с вредительством, администраций школ, всеми силами стараюсь преодолеть это сопротивление, пресечь вредительские акты, но силы мои иссякают. Последние недели были особенно ожесточёнными: ряд вредительских актов упомянутой реакционной группы заставили меня дать делу ход по соответствующим линиям. Заявил в партийный комитет, горсовет, инспектору гороно и Окпросу. Но результатов нет, ибо в городе нет людей, некому заниматься этими вопросами. Сюда приехал представитель Окпрофбюро, я пришёл к нему и прочёл материал, который я хотел направить в ЦК Союза, где все безобразия были вскрыты. Он посоветовал не посылать материал в ЦК, а передать его ему и обещал материалу дать ход «в два счёта». Я согласился, в результате ни материала, ни представителя Окпрофбюро я с тех пор не вижу. В результате «воз и ныне там». Кому это ведать надлежит, на ходятся на селе по различным кампаниям, я

сам тоже уезжаю завтра на месяц в деревню с третьим курсом техникума, а кризис углубляется, вредительство ширится, надежды на изменение положения все меньше, ибо я, мне кажется, все пути испробовал. Поэтому мне остаётся одно: написать Вам заявление с просьбой освободить меня от работы в Таре и копию с настоящего заявления отправить в РКИ¹, чтобы оно произвело расследование и вскрыло гнойник в просвещенской среде города.

Может быть, то, что я хочу бежать, является трусостью, может быть, надо было проявить больше стойкости, но я не могу. Нужно заметить, что я еврей. И мне вдвойне тяжелее. С терминами «жид» и «жидовская морда» я свыкся ещё во времена Пуришкевичей, Марковых и Шмаковых, не в этом дело; а в том, что я один только еврей среди всех учителей, и антисемитизм в руках белогвардейцев – орудие разжигания низких инстинктов, и пропаганду основ марксистской педагогики и новейших методов работы старательно изображают как «жидовские выдумки» и «проявление жидовского засилия».

И очень трудно мне приходится без поддержки. Бессилен я против крепкой, сплочённой группы во всех не только школах, но и других учреждениях, имеющих своих приверженцев. Ибо чем иным объяснить тот факт, что любой разговор о них, даже самый пустяковый, немедленно становится им известен.

Но есть ли в среде местного учительства люди, на которых можно было бы опираться в борьбе с реакционерами? Есть, но это единицы, и их нужно организовать, а это сделать некому. Очевидно, Вам известно, что все местные работники (*неразборчиво*), руководившие неправильно всей работой в городе и районе, сняты и заменены преимущественно рабочими выдвиженцами. Работа сразу оживилась, и местные реакционеры на время притихли. Но затем они воспользовались

¹ Рабоче-крестьянская инспекция.

тем положением, что приезжие товарищи ещё не успели с школами и просвещением, осмелели и овладели создавшимися условиями. Первую мою попытку осветить новому горинспектору их вредительскую работу они сорвали, посеяв у инспектора недоверие ко мне. Инспектор – новый человек, и я его не виню. Будь я на его месте, если бы все зав. школами, и даже один партиец, в один голос стали кричать: «Не верьте ему, он любит бросаться красивыми фразами, но ещё его самого (*неразборчиво*), кто он такой и т. п., в этом роде», я тоже стал бы сомневаться. Когда я увидел, что инспектор относится ко мне с недоверием и не считает нужным выяснить свои сомнения, мне приходится прервать с ним дальнейшее сотрудничество и молчать. Это и требовалось. Районный инспектор, который объективно стал играть на руку вредителям, в ответ на мои прямые указания, что он подпал под влияние вредителей, довольно ясно намекнул, что я член союза и могу отвечать за такие слова. Что не исключена возможность, что мне через союз постараются закрыть рот, тем более что зам. пред. союза занимает видное место в реакционном букете как б[ывший] колчаковский офицер-белогвардеец (Ханов).

Ясно, что при таких условиях просвещенской работой никто не руководит и школы представлены сами себе. Приезжие люди ещё не ознакомились с делом, старые создали в школах традиции самостоятельности, и по этим традициям (моя школа, в моей школе) школы живут. Я не помню за 2 года ни одного обследования школ, за исключением случаев, когда возникали каникулы. Недавно было обследование опорной школы, но выводов о ней до сих пор нет. Зав. школами перестали серьёзно относиться к обследованиям, знают, что, если такое и будет, толку будет немного. Последний инспектор (Шкелко) только бумажками занимался, бывал иногда на заседаниях школьных советов, где всё время молчал, и если раскрывал рот,

то для защиты контрреволюционных учителей (Коротков, о нём скажу ниже). Кончилось тем, что с началом посевной кампании и сплошной коллективизации этот инспектор подал заявление об исключении его из партии, сослался на болезненное состояние.

Эти примеры Вам скажут, что не было политического руководства просвещенской работой, некому было организовать актив учителей и противопоставить их реакционерам. Достаточно того, что ячейка ни разу не обсуждала состояние нар[одного] образов[ания]. И представители ячейки, члены школьных советов, никогда на заседания последних не являются. Союзная организация тоже спала. 9/10 членов (*неразборчиво*) состояла из администрации, ничего не делали. Теперь её распустили и избрали новых (один белогвардеец всё-таки пролез). Может быть, лучше будут работать. Понятно, что, если не было руководства, ни партийной организации, ни союзной, ни советского учреждения (инспектуры), поле деятельности для реакции было расчищено и до сих пор положение существенно не изменилось.

Почему именно я очутился в центре этой борьбы? Классовой борьбы. (Я подчеркнул классовой борьбы, потому что всё здесь происходящее является именно эпизодом классовой борьбы, и кто будет рассматривать это иначе, захочет видеть в этом склоку и т. п., тот легко ошибётся). Основным ответом на поставленный вопрос будет: я начал здесь организацию техникума и веду в нём педагогику, педологию, одновременно руководя педагогической практикой. Вся работа техникума, прежде всего, моя работа в нём (т. е. специальная педагогическая), встречает до сих пор, вот уж два года, глухое, скрытое, а в последнее время открытое, сопротивление большей части старого учительства, руководимого упомянутой реакционной верхушкой. По характеру своей работы я обязан был проникнуть во все школы. Студенты нашего техникума ведут практику в школах 1-й ступени города, и на

конференциях мы подробно разбираем все достижения и недостатки процесса и общей постановки школьной работы. Не стремиться к изменению скверной постановки дела в школах, не стремиться внести улучшения в педпроцесс наших школ означало бы, что техникум оторван от жизни, что мы работаем впустую. В направлении коренной переделки школьной работы в городе я и веду работу, и именно это является основной причиной травли, которая против меня ведётся. Все изменения, которые повседневно происходят в школах, я замечаю по характеру своей работы, ибо студенты отчитываются в каждом своём уроке. И мне больше, чем кому бы то ни было, видно то вредительство, трусливая двуличность, которая на деле проявляется у учительской верхушки. И, если официальным лицам приходится о работе школы судить по резолюциям, постановлениям, циркулярам и прочим бумажкам, я вижу, как решения проводятся на деле. Если официальным лицам приходится проверять выполнение решений периодически, раз в полгода, я вижу, как выполняются решения каждый день. И я смело, не стесняясь (*неразборчиво*), называя вещи своими именами, вскрываю все грехи и прорехи школ. Так открыто до сих пор этого никто здесь не делал. К этому здесь ещё не привыкли. Революция в школьном деле до Тары ещё не докатилась, и стремление работать «по старинке» здесь ещё очень сильно.

В этом деле есть ещё и другая сторона: техникум готовит смену. Большинство учителей здесь боятся этой смены. Поэтому сопротивляются успешной работе техникума. Решение о переходе с 4-летнего курса на 3-летний явилось стимулом, усилившим сопротивление. Чтобы этот вопрос был яснее, я дам краткую характеристику всего состава учительства: 40 учителей 1-й ступени имеют 1000 лет педстажа. Принимая во внимание некоторый % молодёжи, на каждого учителя из большинства падает в среднем 20 лет стажа. Образование у этого

большинства – 4 класса местной прогимназии. Социальное положение большинства – выходцы из семей местного купечества, духовенства, кулачества и чиновничества, поэтому понятно, почему значительная часть была активными участниками колчаковщины, белыми офицерами. Ни одного партийца среди работников 1-й ступени нет. Одна комсомолка была в прошлом году, и её травили до конца учебного года, другая комсомолка недавно уволена из школы за то, что имела мужество выступить с критикой деятельности своего зава – белогвардейца Ушарова. Только случайно эта комсомолка получила работу в одной из школ, учительница которой ушла учиться в техникум.

Понятно, почему решение о выпуске нашего 3-го курса в сентябре данного года и связанная с этим более интенсивная работа техникума усилила реакцию и натиск на меня больше, нежели раньше. Я говорю на меня потому, что в моём лице, как непосредственно возглавляющего борьбу за новую школу, видит врага реакционная верхушка. Они знают, что работников нет, когда-то приедет новый человек вместо меня (а то, может, удастся за неимением своего поставить) и свалить меня каким бы то ни было путём, именно до конца учебного года, является их основной задачей. Чудаки. Они думают, что в этом их спасение. Не я, так другой. А выпуск всё-таки будет. И в срок. Колёса жизни они не остановят. Если личность и имеет значение, то не решающее. Этого они, мещане, по своей узости и ограниченности не понимают. Они могут только ставить палки в колёса, вредить, пытаться задерживать, что они и делают.

Начну со школ 1-й ступени. Во вредительской работе здесь имеются две стороны – систематическая и эпизодическая.

Систематическая: школы замкнуты и варятся в собственном соку. Общественность в школе очень слаба. Родители не заинтересовываются и в массе не привлечены в школу. Общественной работы нет в системе

школы. В плане всё намечено, а на деле иногда выполняют поручения организаций. Ни одна общественная работа проработкой тем не связана. И основная цель – довести до сознания детей связь между трудом, природой и обществом – не достигается. Именно этого никто никогда не проверял. Сама техника работы ничем от старой школы не отличается. На первом плане словесность, догма. Новые формы работы проникают с трудом. Труда, связанного с прохождением, нет. В клубные дни что-то делают (раз в 10 дней 1 час), по 1 столярному станку в некоторых школах имеется, а результатов нет. Подготовка учителя к урокам слабая. Очередные расписания не прорабатываются, программа ГУСа¹ не локализуется, а от случая к случаю «вставляется местный материал». Достижения, которыми учителя любят щегольнуть, это достижения в области грамоты – т. е. тем же, чем щеголяли старые школы в таких городах. В проработке тем и повседневной работе нет чётких политических установок (этого тоже до сих пор ни один инспектор не удосужил проверить), т. е. какие политические установки даются детям и насколько они тверды. В прошлом году я написал об этом статью в «Просвещение Сибири» (Тревожные факты, № 4 за подписью Мурин). Прочтите, и Вы увидите, как катастрофично обстоит дело с общественно-политическим воспитанием. До сих пор положение не изменилось. Природа обычно, как и всё, изучается в классе. Экскурсии даже и то большая редкость. А пресловутые навыки тоже неблагополучны. Мы в прошлом году провели тестовый учёт, и учителя были поражены низкими достижениями по арифметике и родному языку во всех школах.

Всё это делает понятным высокий % неуспешности в наших городских школах. В прошлом году количество неуспевающих учеников по городу доходило до 400. Это значит, на ветер выброшены огромные

суммы денег, помимо всего прочего. В связи со всем этим, естественно, должно было бы заострить внимание на вопросах квалификации, но этого нет. Почти все городские учителя выписывают заочные курсы, но ни один по ним не занимается. Имеется педкружок. В программе его работы хорошие вопросы. Но они разрабатываются теоретически вообще, а не в частности, в применении к данным школам конкретных выводов. К тому же решения педкружка, их выполнение никто ни разу не проверял, и за 2 года работы кружка никогда там не обсуждался вопрос о том, насколько и как выполняются решения кружка. Постановка работы в кружке такова, что повышению квалификации он не способствует. Мыслилось, что если в начале года между всеми школами распределить вопросы для проработки, то они представят для обсуждения доклады и практически, и теоретически проработанные. К этому времени остальные учителя подчитают по этому же вопросу, и на основе всего этого можно ждать хороших результатов. Так предполагают, но так не происходит. Организовал я педологический кружок, предложил иную систему работы: намечаем вопросы, которые способствовали непосредственно улучшению педагогического процесса. На первом собрании по одному из вопросов даётся введение в практическую работу, которую должны провести все члены кружка в своих школах, и лишь после этого, на основе практики, вопрос в кружке прорабатывается теоретически. Все горячо поддержали такую систему работы, и все единодушно на деле её провалили. Никто ни одной работы не сделал. Кружок распался. Хуже всего, что никто эти вопросы не обследует, и всё остаётся по-старому. Единственное время, когда инспектура уделяет внимание школам, – это конец и начало учебного года. Но, конечно, легче прекратить занятия и всё

¹ Государственный учёный совет.

(так обычно и делается). Сложнее начало. На что же больше всего обращает внимание инспектура в начале занятий? На производственные планы. Но дальше составления схемы его дело не идёт. А когда принята схема, зачем её заполнять содержанием? Всё равно никто больше интересоваться производственным планом не будет. Ни инспектура, ни учителя. Ни одного полного производственного плана ни в одной школе нет. Вначале, под свежим впечатлением, 1-2 раздела его заполняют, а потом забывают. Ибо производственный план составляется только как дань форме. Я обследовал одну школу на селе. Оказалось, занятия школы не имеют ничего общего ни с сибвариантом, ни с производственными планами, ни с тематической разработкой, ни даже с собственным очередным расписанием. Последнее объясняется тем, что расписание учителя там списывают друг у друга (чтобы было, что предъявить), а занимаются по своему, по старинке, предметами.

Помимо того, что планы, как таковые, неудовлетворительные, они прикрывают истинное положение дела в школе, ибо трудно в 2-3 дня проводить его выполнение. Производственные планы реальны, не жизненны, не помогают работать, а не изменяются в течение года, что бы ни произошло. Казалось бы, что сейчас, в связи с сильной коллективизацией, с ликвидацией кулака как класса, с усилением социалистического строительства в деревне, производственные планы должны были бы коренным образом измениться. Этого нет.

Летом были открыты курсы повышения квалификации. Запросили городских учителей, сколько им дать мест. Они желающих нашли только 3 человека. Из них явилось только 2. Одна из явившихся, зав. опорной школой Штельбурт, потребовала, чтобы ей выдавали деньги на питание, и на другой день заявила, что, по болезни, курсов посещать не будет. Остался только один человек.

Хуже того, никто не считает это нужным. И эта бесплановость создала в школе суету, и все изменения происходят на словах, а на деле вся «коллективизация», как просто говорят в школе, свелась к скверной проработке темы и паре кроликов, которых завела каждая школа, и всем показывают их: «мы строим детские с/х коллективы».

Вся беда в том, что руководящий состав школ очень плох. Затхлостью от них несёт. Четырём завам 205 лет. Остальным двум меньше, но они белогвардейцы, б[ывшие] колчаковские офицеры и горькие пьяницы (зав. 2-й школой Ушаров, зав. 3-й школой Ваганов). И крепко держатся за свои места. Молодёжи трудно попасть на их место. В этом отношении у всех завов круговая порука. И вот что любопытно. По всем школьным вопросам инспектор обычно созывает совещание зав. школами. Никакого актива из среды «не завов» не организовано, и получается заколдованный круг. Нет условий при такой системе работы на улучшение (*неразборчиво*). И я веду борьбу против этой системы, за изменение такой системы. За коренную реорганизацию общей постановки школьной работы. При наших условиях такую реорганизацию можно произвести только с Вашим вмешательством, и Вы должны вмешаться. Так дальше оставаться не может. Всё дельное, молодое, которое попадает в такую систему, гибнет или засасывается. Пример: из деревни в город в опорную школу был взят дельный парень – комсомолец и учитель хороший (Братченко). Уже через три месяца его узнать было нельзя. От его общественности и следа не осталось, от организации оторвался, из комсомола его пришлось исключить. Это результат действия системы и её руководителей.

Эпизодическая вредительская работа. Приведу два-три ярких примера. При педтехникуме была опытная школа, состоящая на местном бюджете. Само создание её встретило большие возражения и нахождение её прекращалось. Опытная школа должна

превратиться в мастерскую, где выковывается опыт новых педагогов – вот причина находка на опытную школу. В связи с сокращением бюджета нужно было сократить 3 единицы. Все организации предрешили вопрос о расформировании 3 параллельных первых групп и детей (*неразборчиво*) по остальным школам. Это был бы большой удар по группе белогвардейцев, ибо оказались бы уволенными работающие в параллельных группах жёны белогвардейцев (Ханова и Станиславская), и на совещании зав. школами было вынесено скромно предложение: закрыть опытную школу. Всё было готово к закрытию, когда я приехал из командировки из Омска. С большим трудом отстояли школу, но нас провели. Опытная школа закрыта не была, но она так была догружена учениками, и притом худшими (опытная – вывезет), что как опытная школа она разрушена, и техникум теперь её использовать не может. <...> В чём здесь вредительство?

1) 2-я школа в рабочем районе, дети одеты плохо, и перевод их в центр города, далеко от их квартир, причиняет им большие неудобства, увеличивает прогулы, неуспеваемость, а для многих становится совсем невозможным посещать школу.

2) Во главе школы стоит белогвардеец Ушаров, учитель он плохой, занимался не по методу целых слов, а по звуковому. Дети отстали, в другой школе не нагонят и в большинстве останутся на 2-й год. И следы от скверной работы Ушарова будут скрыты.

3) В этой школе учатся дети детдомов, которые расположены очень близко от школы. Воспитанники этих домов имеют на 2 человека 1 пальто, и, если школа близко, создаётся возможность быстрого перехода детей одной смены из школы в детдом, и другая очередь детей быстро попадает на 2-ю смену. Теперь эта возможность исчезла. Далекое, и школы разные, смены перепутаны, вследствие различных дней, отдых в разных школах и группах, и многие дети не ходят аккуратно в школу.

4) Белогвардеец Ушаров в это время находился в опасности, и его нужно было спасти. Вышеуказанным способом перегруппировки он (пока) спасён. Дело в том, что в это время происходило обследование школы №2. Из всего коллектива только две молодые учительницы имели мужество выступить против зава. Перегруппировка была использована, и обе учительницы были из школы изъяты, одна переведена в другую школу, другая просто уволена. Одна из них (Лепеткова) только в этом году кончила Омский техникум, другая (Иванина, комсомолка) девятилетку. А белогвардейцы остались на местах и посмеиваются.

5) В первой школе нельзя было сокращать три группы, ибо разброс этих учеников к концу года оставит их на 2-й год. Ведь теперь конец года у нас решён 1 мая, а эта группа разъединённая, не проработала материал и в 4-ю группу не перейдёт. Именно поэтому мы вначале и предполагали брать только первые группы, ибо их выправить можно будет; и притом из центра на окраину и наиболее обеспеченных. Здесь классовый принцип белогвардейцы нам сорвали.

6) Ещё одна сторона имеется в этом деле. Почему расформировали группу в 1-й школе? Учительница этой группы Кириченко истязала зверски своего ребёнка. Школа, где учился этот ребёнок, возбудила этот вопрос официально. На заседании секции (*неразборчиво*) при горсовете этот случай вызвал бурю возмущения родителей и учителей (а у нас как раз ведётся кампания против наказания детей), и постановили удалить её (Кириченко) из школы. Всё выполнено, Кириченко удалена... из школы №1 в школу №2. <...>

Об этих вредительствах я поставил в известность и райком, и союзную организацию. Об этом, конечно, белогвардейцы узнали, и теперь мне проходу нет. <...>

Вечерняя школа за три года ни разу никем не обследовалась. Занятия идут с перебоями, посещаемость плохая. К концу

года из 100 чел. обычно остаётся 20–30 на 2 группы. Когда в прошлом году Окроно снимал с завов белогвардейскую голову, Ханов уцелел, ибо был (и до сих пор) членом правления союза. Семилетка была доведена до развала, и её пришлось расформировать, слить со школой 2-й ступени. <...> Но, к сожалению, Окроно недоделал своей работы по разгрому группы реакционеров и реорганизации школьной работы, в этом году в школе 2-й ступени хуже, чем в прошлом году.

Я не буду распространяться о системе. Как и в школах 1-й ступени, вся система работы здесь создаёт возможность вредительства. Коллектив не спаян. Педсоветания если и принимают хорошее постановление, то организационно не обеспечена проверка его выполнения. Педкружка нет, в прошлом был, но толку от него было мало. Всё игнорировали и саботировали. Когда я предложил на одном из заседаний проверить, насколько выполнены к концу года постановления кружка, из 26 присутствующих против проголосовали 22. Часть преподавателей удалили, много негодных ещё осталось.

Завы-белогвардейцы с завов сняты, а преподаватели тут же остались и пользуются не меньшим авторитетом. Ханов, преподаватель 2-й ступени и зав. веч[ерней] школой он (*неразборчиво*) даже ещё преподаёт там. Станиславскому тоже дали возможность совместительствовать, и он (не специалист) преподаёт химию в школе повышенного типа, когда у нас есть специалист-химик, молодой, из советского ВУЗа. Нужно вместо Ханова выдвинуть обществу этой школы партийца Фомина. В школе 2-й ступени на первом плане стоит образовательная работа (знания всё-таки тоже очень низки). Воспитательная работа ведётся мало, и то не коллективом, а комсомольской ячейкой. Школа эта с педуклоном, однако на педуклон школа не обращает внимания, и 9-е группы, которые должны окончить школу к 1 мая, на сегодняшний день (16/III) не прошли

теоретического и практического минимума даже на 20%. В этом году педуклон сорван, и, если немедленно Вы не примете меры, выпуск этих неподготовленных ребят к 1 мая будет актом вредительства. Надо немедленно вмешаться и спасти возможность выпуска 70 учителей. Сама школа и не думает что-либо в этой области сделать. Нужно в этой школе, которая имеет 700 учащихся и 25 преподавателей, произвести большую внутреннюю структурную реорганизацию, чтобы организационно обеспечить возможность улучшения общественно-политического воспитания. Ведь в школе полнейший развал. При приёме проникло 60 чел. чуждого элемента. И к началу кампании хлебозаготовок в школе появились (*неразборчиво*) газеты сначала хулиганского характера, затем контрреволюционного. Никто этого не замечал, пока не стали распространяться прокламации с призывом: «Долой советскую власть, да здравствуют правоуклонисты!» Чем ответила администрация? Не усилением воспитательной работы, а исключением «за хулиганство». Вмешалось ГПУ. Оказалось, что возглавил эту контрреволюционную работу один из учителей литературы. Ни администрация, ни коллектив этого не замечали, и накануне только коллектив рассматривал другие контрреволюционные выступления Короткова (этого же учителя) и постановил... объявить ему строгий выговор. <...> Арестовали Короткова, двух учеников, а листовки продолжают находить. Дошло до того, что было обстреляно с соседней крыши собрание учеников. И улучшений не предвидится. Сняли с должности зав. уч[ебной] частью школы Арданскую, члена партии, которая так халатно вела работу, что было допущено массовое контрреволюционное движение, поставлен теперь другой зав. уч. Турчук, более сильный парень, комсомолец. Но система осталась та же. Всё делается халатно, без привлечения общественности. Варят в собственном соку. В связи с контрреволюционным

движением в школе школа была обследована, приезжала специальная группа из Омска, вынесли целый ряд предложений, но... предложения остались на бумаге. Более того, предложения даже не обсуждали коллективом, он ничего о них не знает. Да и всё это движение прошло мимо коллектива. Ни разу этот вопрос не был поставлен на педсоветах, чтобы разработать мероприятия и общими усилиями провести их в жизнь. Кто мешает этому? Затрудняюсь сказать. Чувствуется, что кому-то выгодно разваливать школу. Кому-то выгодно сохранить создавшееся положение. Белогвардейцы, как и всегда, молчат. Ничего не заметно по их лицу, и придаться нельзя, и чувствуем их руку, и ничего не можем сделать. Я просил много раз инспектора Окроно Абраменко поставить выводы обследования на педсовет и до сих пор этого не добился. Я сам был в этой комиссии, меня спрашивают, и я молчу. Дурацкое положение. Начинает закрадываться мысль, неужели это дело тормозит Арданская, чтобы коллектив не узнал, за что её сняли? Не потому ли, чтобы она могла потом сказать: меня сняли, а Турчук не справился? Кто, например, саботирует дело создания с/х коллектива, который учащиеся требуют? Есть такие, которые высказываются против такого коллектива, и воз и ныне там. Я в этой школе имею 6 часов педологии. Не вижу я толку в своей работе и даром получаю 35 рублей. Прошу с начала года созвать совещание по педуклону и до сих пор не могу этого добиться. Мои разговоры больше не помогают. И так на каждом заседании коллектива, когда я прошу слова, меня предупреждают – «только покороче», а когда я прихожу в канцелярию, начинают рассказывать черносотенные «еврейские» анекдоты. Согласитесь, что это не совсем приятно. Когда видишь скверность и называешь вещи своими именами, на тебя огрызаются, а когда молчишь, то объективно потворствуешь реакции. Ведь сколько разговоров было в начале года, когда в школу

2-й ступени дали двух молодых учителей, окончивших (подумайте, какой ужас!) только Омский педтехникум, и на последнем заседании, когда начали одного из этих товарищей, молодую девушку, Кокореву, травить, приписывая ей вольности с учениками и учителями, я не мог молчать. Девушка со слезами на глазах оправдывается, говорит, что она шутя провела рукой по щеке Ханова (того белогвардейца), а он нагло улыбается и молчит, ни словом не подтверждая в защиту товарища. Как я поверю, что Ханов в этой сплетне ни при чём? Как я поверю, что не травят товарища? Её человеческое отношение (не чиновническое, не старое) к ученикам извращают и называют чуть не проституткой. Конечно, если так будет продолжаться, её поставят в условия, когда она вынуждена будет уйти из школы.

Трудно, товарищи, работать. И в последние дни всё более трудно. С большим трудом удалось путём постановки спектакля собрать 400 р., чтобы поехать с 3-м курсом на производственную практику. И теперь она сорвалась. Вчера меня вызвал райгрупком союза и начал уговаривать меня умерить пыл своих выступлений, ибо так я ничего не добьюсь, а только вооружу против себя массу учительства. И, если у меня есть материал, я должен дать ему законный ход. Но ведь я именно так и сделал: сообщил райкому, горсовету, Окрпросу, ЦК написал, не дали послать, председателю райгрупком рассказал, и теперь меня одёргивают.

Я сделал все, чтобы не быть одному. На словах все организации обещали мне помощь и быстро ликвидировать этот узел. На деле они помогают не мне, а объективно – классовым врагам. Ведь о моих заявлениях они уже узнали? Травля против меня усилилась? И вместо помощи меня одёргивают и предлагают действовать организованно. Эту страницу я пишу 17/III и, несмотря на совет сдерживать свой пыл, я не удержался вечером. Было заседание горсовета. Обсуждался вопрос о высылке кулаков. Мне не

понравился подход к этому делу. И я резко выступил против пом[ощника] нач[альника] милиции: я сказал, почему считают кулаками только того, кто обрабатывает землю, а если земли у него теперь не было, а был в деревне кожзавод и мельница, то почему он не кулак, а нэпман? Почему первого нужно выслать, а второго нельзя? Отчего такое покровительство? Почему не нужно высылать пароходчика Коншина (племянник знаменитого мануфактурщика), почему не нужно высылать Новокщёнова, б[ывшего] фабриканта и пчеловода, только потому, что у него земли нет? Я высказал мысль, что ликвидация кулака усиливает его сопротивление и обезоруживать нужно одновременно и (неразбочиво), и Коншиных, и Новокщёнова, направив их в Нарым.

Я заметил, что нач[альник] мил[иции] обиделся, но не придавал этому значения. Это было в 12 ч. ночи, не успел я лечь спать, как мне подадут повестку из милиции, где в 8½ ч. утра предлагают явиться в милицию, а если не приду, меня приведут силой. А у меня на 7 ч. утра был назначен отъезд на практику. Прихожу в милицию, проводили меня в угрозыск и спрашивают: вы, говорят, знаете здесь, в городе, кулаков и нэпманов, которые агитируют против советской власти, так не можете ли вы мне сообщить. Я ему рассказал, как было дело, что обо всех, о ком я знал, я сказал на заседании горсовета, а если буду знать ещё кого, то сообщу ему. После этого вызывают меня в райисполком и предлагают воздержаться от поездки.

Так вот какой оборот принимают дела. Все кнопки нажаты. В травлю мою вовлечены уже и представители власти. Но что меня больше всего поражает, это быстрота информации. В 12 ч. ночи я предлагаю выслать несколько кулаков, в числе которых родители учителей, и в 2 часа уже нажаты все кнопки и вмешивается пред[седатель] райисполкома.

Он-то здесь при чём? Я думаю, что мне пытаются с его помощью заткнуть рот (после партконференции, которая сейчас происходит, я с ним объяснюсь), делают это, очевидно, через его жену. Жена, пред[седатель] Рика, учительница 5-й школы, которой заведует сестра Ханова. Во всяком случае, меня берут за горло. Ну что, классовая борьба. Не знаю только, выдержу ли я. Что-то мне кажется, что натиск будет сильный. И, если меня не стукнут до получения ответа от Вас, значит, они свою игру проиграли. В прошлом году они про меня распускали самые гадостные слухи, и был момент, признаться, когда я думал о самоубийстве. Но потом подумал: 4 года в Красной Армии дрался с этой белогвардейщиной, так неужели теперь, из-за её остатков, которым не сегодня-завтра конец, я буду стреляться? Не стоят они этого.

Ну, теперь я буду держаться до конца и ждать Вашей помощи. Стреляться не буду. А если меня пристрелят, пусть это письмо поможет Вам вскрыть тарский гнойник и, через печать, другие такие же гнойники остатков белогвардейщины. Если же всё пройдёт благополучно и я закончу учебный год в Таре, прошу мою просьбу о переводе удовлетворить, ибо, как видите, трудно.

Почему я не пишу в Омский Окроно. Там Абраменко, я ему перестал доверять. Он не спешит почему-то улучшить дело в школе 2-й ступени. О многом из того, что я пишу, знает другой инспектор, Зима. Он обещал мне помочь, я был недавно в Омске, спрашивал, почему он мне не писал. Ссылается на перегруженность. Что ж, пусть это ляжет на его совесть.

17/III (1929 год)

Я очень прошу ответить Вас мне возможно скорее. И, если можно, телеграфировать мне о получении данного письма. Я пошлю его спешной почтой. Адрес: Тара, педтехникум, Шафино.